

Б. Ө. Шлецеръ. А. Скрябинъ. Монографія о личности и творчествѣ. Томъ I. Издательство «Грани». Берлинъ, 1923.

Эта прекрасная книга родилась изъ великой радости интимнаго общенія съ творцомъ «Прометея». Родственная и духовная близость не создали однако въ Шлецерѣ aberrации любящаго чело-вѣка: книга отъ начала до конца проникнута большой искренностью, стремленіемъ дать цѣльный и правдивый образъ Скрябина въ тройномъ аспектѣ, въ контрадуктическомъ сплетеніи композитора, поэта и мыслителя.

Должны ли мы больше цѣнить въ художникѣ логическое, планомѣрное обогащеніе его творчества все новыми и новыми оборто-пами, или пастъ долженъ манить и неотразимо привлекать къ себѣ какъ влечетъ бездна — скачекъ въ неизвѣстность, полетъ разбивающагося на смерть Лиліенталя? Скрябинъ - Орфей, изъ мудро завѣшивающаго самоограниченія мастера, боящагося утонуть въ волнахъ оргіастическаго иступленія, часто замыкалъ тяжелой цѣпью логическихъ умозаключеній тотъ міръ, изъ котораго его уносило въ минуты экстаза. Философія, теософія ему нужна для вынесенія устроенности въ хаосъ творческихъ импульсовъ. Изъ анархіи разрозненныхъ музыкальныхъ элементовъ онъ искалъ свасенія въ общей «идеѣ», на которую онъ нанизывалъ отдѣльныя жемчужины своего творчества. Такъ требованіе искусственности отъ произведенія искусства уживается въ немъ съ льющейся черезъ край экстазичностью.

Искусство Скрябина сверхъиндивидуально, говоритъ Шлецеръ, — легенду объ эгоцентризмѣ творца «Прометей» надо разрушить. Значить ли это, что «Мистерія», заключительный аккордъ нашей расы, была бы возможна безъ верховнаго жреца, «обреченнаго» на уготвленіе всей вселенной сліянія съ Единымъ? Самъ Шлецеръ даетъ на этотъ вопросъ недвусмысленный отвѣтъ, когда раскрываетъ волевой, самоутверждающій характеръ мистицизма скрябинскаго: только онъ, Скрябинъ, можетъ поднять страшное бремя апокалиптическихъ свершеній (131). Чужой «обреченности» Скрябинъ не признаетъ: если онъ не готовъ, то и міръ не готовъ. Горделивая ли это увѣренность одинокаго безумца, омыпаніе ли великими символами, или, попросту, то энгъ творческихъ избытокъ и радость созиданья? А онъ вѣдь зналъ сомнѣнья, но умѣлъ ихъ, повидимому, тщательно скрывать. Въ минуту колебанія зародилась и мысль о «Предварительномъ дѣйствѣ» (133).

Когда читаешь это поэтическое произведеніе, то досадуешь, зачѣмъ Прометей звуковъ растратилъ искры божественнаго огня на то, чтобы зажечь въ нашихъ сердцахъ вѣру въ возможность сліянія съ Единымъ при посредствѣ звучныхъ словесныхъ символовъ,

напоминающихъ тонъ былыхъ кантатъ, только повышенный приправой метафизическихъ приностей.

Его ужъ нѣтъ межъ нами, пѣвца божественнаго экстаза, и мы съ жадностью принимаемъ къ пожелтѣвшимъ листкамъ, на которыхъ онъ петербургливой рукой набрасывалъ смутную мечту, чайніе проникновенія. При жизни онъ такъ ревниво оберегалъ отъ нескромныхъ взоровъ завѣтные листки, такъ беспокоился, когда они куда нибудь исчезали, точно онъ боялся, чтобы мы не подслушали тайны, не выносящей дневного свѣта. Увы! — его опасенія были не напрасны: эти наспѣхъ набросанныя мысли, «идеи» члѣдъ поражаютъ своей наивной, беспомощной формой, въ которой говорятъ о первыхъ и послѣднихъ вопросахъ бытія, чѣмъ раскрываютъ тайны творческой лабораторіи Скрябина. Если мы снова и снова подымаемся на свѣтлыя вершины расхолаживающей диалектики, то вина въ томъ не на Шлецерѣ, который положилъ не мало труда и искусства, чтобы передать атмосферу, въ которой зародились апокалиптическія чаянія Скрябина. Въ отвлеченной вѣрѣ во вселенскую катастрофу, въ мистериальныхъ замыслахъ Скрябина нѣтъ страстной напряженности, съ которой «русскіе мальчики» говорятъ о Богѣ, точно сердце творца «Прометея» не знало ни великой жалости, ни великой неудачи, ни ужаса паденія. И жуткость, отмѣчаемая Шлецеромъ, далекая, конечно, отъ того, чтобы быть сатанинской, была скорѣй фанатизмомъ художника, влюбленнаго въ свою мертвую мечту — идею, чѣмъ жуткостью человѣка, котораго душатъ тяжелые кошмары Достоевскаго. Экстазъ — безъ примѣси доводовъ сердца, пылающій уголь, залитый водой холоднаго сознанія... Ничего въ этомъ не замѣляетъ эротическая нить, которую Шлецеръ съ необыкновеннымъ искусствомъ выдѣляетъ изъ пучка творческихъ эмоцій Скрябина, не склоняясь къ тому, чтобы увести одно лишь изъ проявленій жизненнаго порыва пѣлнкомъ въ сексуальное русло...

Не слишкомъ ли мы увлекаемся стремленіемъ осознать до дна тайну Скрябинскаго творчества? Не придемъ ли мы тогда къ опасному смѣшенію языковъ и не упремся ли въ тупикъ ничего не объясняющихъ громкихъ сямболовъ, гдѣ одно и то же словесное клеймо, по выраженію Бергсона, получаютъ разнородные элементы нашихъ душевныхъ переживаній? Мистика пола, мистическія озаренія творчества, религиозный мистицизмъ; сравненіе мистическаго изступленія св. Терезы съ буйнымъ своеобразіемъ художника, чьей душѣ такъ тѣсно въ путахъ земного кипѣнія... Да есть ли здѣсь даже съ чисто логической точки зрѣнія *tertium comparationis*?

Самъ Скрябинъ подалъ поводъ къ этой путаницѣ своими многочисленными формулировками и схемами. Шлецеръ великолѣпно

освѣщаетъ исторію этихъ блужданій, но придаетъ имъ слишкомъ значительный характеръ религіозно-философскихъ откровеній.

Какъ видите, эта богатая по содержанію книга возбуждаетъ много вопросовъ, и въ томъ, можетъ быть, ея самое драгоценное качество, что она не даетъ впечатлѣнія всеразрѣшимости. Да и съ чисто внѣшней стороны она не исчерпываетъ своей темы: второй томъ, и самый интересный, будетъ посвященъ музыкальному творчеству Скрябина.

Г. Ловцкій.

«Русское Прошлое». Историческіе сборники. Петроградъ - Москва, 1923 г. I — III.

«Русское Прошлое» — одно изъ предпринятыхъ петроградскими историками повременныхъ историческихъ изданій. Редактируется это изданіе С. Ф. Платоновымъ, А. Е. Прѣбняковымъ и Ю. Гессеномъ. Редакторы не называютъ своего предпріятія журналомъ, предпочитаютъ болѣе осторожное названіе: «историческіе сборники». Оно и понятно; при условіяхъ даннаго момента никто не можетъ сказать, сколь долго продлжится новое предпріятіе, и редакторы, очевидно, не могутъ взять на себя въ этомъ отношеніи никакихъ обязательствъ передъ публикою. Отсюда — и скромность вышеуказаннаго наименованія. Пока передъ нами — три выпуска «Русскаго Прошлаго», которые появились одинъ за другимъ въ теченіе непродолжительнаго времени. Содержаніе ихъ довольно разнообразно. Всего въ трехъ выпускахъ содержится 31 статья. Изъ нихъ только пять статей посвящены до-петровской эпохѣ. С. Ф. Платоновъ далъ короткій обзоръ исторической литературы о личности Ивана Грознаго. Тема не новая. Литературу эту обзрѣвали уже не одинъ разъ и наиболѣе обстоятельно это было сдѣлано въ извѣстной работѣ Н. К. Михайловскаго. Тѣмъ неожиданнѣе обзоръ, предложенный теперь С. Ф. Платоновымъ, оказывается чрезвычайнo бѣглымъ, неполнымъ и даже недостаточно точнымъ. Совсѣмъ уже неправильно утвержденіе С. Ф. Платонова, что Костомаровъ въ оцѣнкѣ Грознаго пошелъ за славянофилами. Очевидно, почтенный историкъ написалъ свой очеркъ наспѣхъ, просто для того, чтобы дать «на зубокъ» новому журналу чтонибудь подписанное своимъ авторитетнымъ именемъ.

Другая статья С. Ф. Платонова болѣе интересна, хотя и въ ней нѣтъ чего либо новаго. Въ статьѣ доказывается, что Сибирь вовсе не была впервые открыта для Московскаго государства Строгановыми и вовсе не была завоевана цѣликомъ и окончательно Ермакомъ. Врядъ ли и настояла надобность доказывать все это. Думается, что въ настоящее время никто уже и не сомнѣвается въ